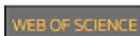

Мехтиев В. Г. «Герой нашего времени» как «архетип» сюжета и образов в «Очарованном страннике» / В. Г. Мехтиев // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 225—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-225-236.

Mekhtiev, V. G. (2021). “Hero of Our Time” as Archetype of Plot and Images in “Enchanted Wanderer”. *Nauchnyi dialog*, 5: 225-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-225-236. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-225-236

**«Герой нашего времени»
как «архетип» сюжета
и образов
в «Очарованном
страннике»**

Мехтиев Вургун Георгиевич
orcid.org/0000-0001-9071-6528
доктор филологических наук,
профессор
кафедры литературы и журналистики
mektiev@mail.ru

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

**“Hero of Our Time”
as Archetype of Plot
and Images
in “Enchanted Wanderer”**

Vurgun G. Mekhtiev
orcid.org/0000-0001-9071-6528
Doctor of Philology, Professor
Department of Literature and Journalism
mektiev@mail.ru

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

© Мехтиев В. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты сопоставительного анализа повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» и романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Особое внимание уделяется образу князя, пародийного по отношению к Печорину и «лишним людям», а также сюжетной линии Ивана Флягина, перекликающейся с линией Максима Максимыча. Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения связей Лескова-художника с творчеством Лермонтова, а также прояснением вопроса об историческом бытовании романа Лермонтова. Новизна исследования видится в выявлении сюжетных, образных и стилистических параллелей между произведениями. Стилиевые тенденции, устойчивые для русской литературы XIX века, у писателей различаются. Наряду с этим поднимается вопрос о критическом взгляде Лескова на печоринский тип; в его повести на первом плане герой, названный Ап. Григорьевым «смирным» в противовес демоническому, «хищному» типу. Показано, что в сюжете романа «Герой нашего времени» Максим Максимыч, олицетворяющий народный характер, занимает подчиненное место, что объяснимо симпатией Лермонтова к демонической личности. Зато в «Очарованном страннике» происходит изменение в функции героя; князь превращается в маргинальный персонаж, а место сюжетного центра занимает русский праведник.

Ключевые слова:

Лесков; Лермонтов; сравнительный анализ; типологическая связь; печоринство; праведник; сюжет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a comparative analysis of the novel "The Enchanted Wanderer" by N. S. Leskov and the novel "Hero of Our Time" by M. Yu. Lermontov are presented. Particular attention is paid to the image of the prince, parodic in relation to Pechorin and "superfluous people", as well as the storyline of Ivan Flyagin, echoing the line of Maxim Maksimych. The novelty of the study is due to both the little study of the connections between Leskov the artist and the work of Lermontov, and the insufficient coverage of the issue of the historical existence of Lermontov's novel. It is shown that stylistic tendencies that are stable for Russian literature of the 19th century differ among writers. Along with this, the question is raised about Leskov's critical view of the Pechorin type; in his story in the foreground is the hero named Ap. Grigoriev "meek" as opposed to the demonic, "predatory" type. It is noted that in the plot of the novel "A Hero of Our Time" Maxim Makimych, personifying a folk character, takes a subordinate place, this is explained by Lermontov's sympathy for a demonic personality. The author points out that in "The Enchanted Wanderer", on the contrary, there is a change in the function of the hero; the prince turns into a marginal character, and the Russian righteous man takes the place of the plot center.

Key words:

Leskov; Lermontov; comparative analysis; typological connection; pechorinism; righteous; plot.

«Герой нашего времени» как «архетип» сюжета и образов в «Очарованном страннике»

© Мехтиев В. Г., 2021

1. Введение

Проза Н. С. Лескова интересна не только тем, что в ней отображены социальные и исторические реалии, свидетелем которых он был и на которые он порой эмоционально отзывался. На каждом новом этапе прочтения его произведения открываются с неожиданной стороны. Лесков, пожалуй, принадлежит к тем классикам, кто умел создавать текст в перспективном ключе. Даже хорошо изученные и известные массовому читателю произведения («Леди Макбет Мценского уезда», «Левша») классика содержат в себе некий смысловой потенциал, они способны обернуться новой ступенью их восприятия и интерпретации. Хрестоматийная повесть «Очарованный странник» принадлежит к таким произведениям. Наличие в ней сюжетно-фабульных, стилистических и иных элементов, отсылающих к роману М. Ю. Лермонтова, — не случайность; оно опирается на малоизученный живой интерес писателя к личности и художественным образам великого предшественника. Лесков широко использовал образы и мотивы поэзии и прозы Лермонтова в своих романах 1860-х годов «Обойденные» и «Островитяне». С их помощью он освещал судьбы и внутренний мир героев, с одной стороны, испытавших влияние «теорий» нигилизма [Мехтиев, 2021а, с. 282], а с другой, как, например, демонический персонаж Истомин, рассматривающих свой «элитарный» статус художника в обществе как повод для мотивов тоски, скуки и небрежного отношения к окружающим [Мехтиев, 2021б]. Повесть «Очарованный странник» венчает художественное переосмысление Лесковым образа Печорина, занимающего центральное место в творчестве Лермонтова. В дальнейшем писатель займет по отношению к идейно-эстетическому миру предшественника словно бы нейтральную позицию; в своих художественных произведениях он не будет обращаться к нему с прежней интенсивностью и заинтересованностью.

2. Лесков и образный мир Лермонтова

Часто указывали на то, что художественно-стилевая манера Лескова укоренена в традициях национальной литературы. Его творчество органично сочетает формы разных жанровых и стиливых эпох. По свидетельству Д. С. Лихачева, в прозе Лескова видны «многообразные отношения

с самыми различными историческими пластами русской словесности», «хотя внешняя непохожесть» его «на предшественников и современников иногда заставляла видеть в нем явление», «не имевшее себе подобных в русской литературе». В действительности же Лесков, наш «русский Диккенс», органически связан со всей историей отечественной литературы от древности до нового времени [Лихачев, 1988, с. 12]. Ученые придавали особое значение традициям древнерусской культуры в произведениях Лескова, называя его знатоком общеславянской и русской иконописи. Уподобляли историзм и документализм, свойственные его произведениям, историзму древнерусской письменности, что наглядно отразилось, например, в романе «Соборяне» [Прокофьев, 1988, с. 123]. Не обойдена вниманием также связь писателя с русским романтизмом. Отталкиваясь от его традиций, Лесков создавал свой особый художественный мир; «характерно использование писателем тех поэтических форм», которые «широко использовались романтиками» [Троицкий, 1988, с. 153]. Все это дает основание для сопоставительного анализа повести «Очарованный странник» и романа «Герой нашего времени». Тема «Лесков и Лермонтов» заслуживает занять достойное место в исследованиях о писателях, она имеет большое значение для осмысления художественных образов Лермонтова в историко-функциональном аспекте, а также для более глубокого понимания произведений самого Лескова. В случае с повестью «Очарованный странник» это тем более важно, если учитывать, что лежащая в ее основе «житийная» и сказовая манера, казалось бы, не имеет ничего общего со строгой, дисциплинированной аналитической стилиевой манерой Лермонтова-прозаика.

Возвышенно-тревожными образами и мотивами Лермонтова Лесков проникся еще в раннем возрасте. Он очень высоко ставил поэзию и прозу предшественника, не скрывал своего восторженного отношения к нему. Лесков-писатель находил в творчестве Лермонтова отклик на свои переживания и импульс для развития тем и мотивов в ряде своих произведений. В характере поэта он отмечал воплощенную бестрепетность в отношении к жизни. В письме к сыну, призывая его к сосредоточенному взгляду на мир, советовал ему «укреплять дух размышлениями». Его особо привлекало то, что Лермонтов в 19 лет был полон «томящих, но единственно живых вопросов». Как свидетельствует сын писателя, присущее Лермонтову бесстрашие мысли Лесков находил лишь у Л. Н. Толстого, который в смелом поиске ответов на «проклятые вопросы» жизни сумел подняться до духовного озарения. Сказанные Толстым слова о смерти («у нее кроткие глаза») будили в памяти строки стихотворения, авторство которого приписывалось Лермонтову: смерть приходила «неслышимо, незримо» и говорила с «тоской невыразимой»: «Пора!» [Лесков, 1984, с. 336, 337]. Но отношение Лескова

к Лермонтову не было линейным. Временами он отрицательно отзывался о поэте и находил в его характере «много противного и гадкого», полагая, что противоречия его личности были следствием «пороков своего века» [Лермонтовская энциклопедия, 1980, с. 254—255]. Лесков часто задумывался над природой лермонтовской гордыни, иной раз с недоумением смотрел на категорическое неприятие русской действительности его героями.

Как известно, Лесков стоял в стороне от общественных течений, имеющих четкую организационную форму и программу действия. Трудно было отнести его к либеральному или консервативному лагерю, тем более он чуждался радикальных направлений общественной мысли. В сплетении противоречий времени и «межпартийных» столкновений он «считал необходимым опираться в поисках правды не на идеи», а «на художественные образы людей» [Троицкий, 1979, с. 252]. Это особенно заметно в его антинигилистических романах 1860-х годов, где писатель не скрывал своих симпатий к традиционному укладу, открыто выступал на стороне бережного отношения к старине, народным устоям. Начиная с романа «Соборяне», он силу своего таланта выдержанно отдает поиску и изображению героев-праведников. Так появляется в его творчестве выдающийся праведнический цикл, который, пожалуй, не с чем сравнить в русской литературе XIX века. Отныне опорой мирозерцания Лескова составляет самоотверженная любовь и бескорыстная деятельность во имя ближнего. Писатель стремился открыть для современников «первоосновы русской духовно-практической культуры». Именно достижению этой высокой творческой мечты подчинена «художественная форма» его героев-праведников [Хализев и др., 1983, с. 226]. Произведения Лескова, в которых он в поисках «чающих движения воды» обращался к основам национального характера, параллельно призваны были решить еще одну задачу — укоренение в читательской памяти принципиально иного понимания русского характера.

Ведущий герой русской литературы XIX века, у истоков которого в определенном смысле стоит Печорин, — это человек высокоинтеллектуальный, по-европейски образованный представитель дворянского сословия. Человек, наделенный способностью к анализу и критически относящийся к русской действительности. С появлением «новых героев» различинно-демократического толка в литературе 1860-х годов мало что изменилось. Восприятие российской действительности по-прежнему было негативным, оно порой переходило в нигилизм, подтверждением чего является образ Евгения Базарова, а у его пародийных подражателей и радикально настроенной молодежи — просто в грубую форму отрицания национальной истории и традиций народа. Нигилизм в крайних его формах, если обратиться, например, к роману «Некуда», в художественной интер-

претации Лескова приобрел форму «бесовства», «чертовщины» [Селезнев, 1983, с. 13,17.].

Но даже И. С. Тургенев в пору создания романа «Дым» (1867) уже скептически относился к героическим натурам. Неслучайно у него появляется образ «постепеновца» Литвинова, лишённого базаровского «сатанинского самолюбия» и вполне примирительно настроенного даже к отсталым формам русской действительности. Оленин из повести «Казачи» Л. Н. Толстого, Рудин и Базаров, князь Волковский, подпольный парадоксалист и Раскольников — все эти персонажи в той или иной степени продолжают линию «лишнего человека», их психологическое и социальное самочувствие было следствием, как писал Ап. Григорьев, эгоизма и индивидуализма. Героев гордых, с болезненным самолюбием он относил к типу «хищников», демонов, при этом неизменно называя в качестве примера имя Печорина. Авантюрно-героическому началу критик, стоящий на позициях «почвенничества», противопоставлял «смирных» типов, каковыми считал Белкина, Максима Максимыча [Григорьев, 1969, с. 61]. Во второй половине XIX века наблюдается еще одна, правда, пока едва приметная, тенденция в восприятии художественных произведений Лермонтова. Характер самого поэта не так настойчиво привязывается к образу Печорина; «личное чувство» поэта, в отличие от «героя нашего времени», рассматривается как «явление народной жизни», как «национально-русское», коренное [Ключевский, 1991, с. 150].

От такого взгляда на популярного героя литературы Лесков, по видимому, был не далек. Размышляя над социальной и нравственной атмосферой пореформенной эпохи, Лесков склонялся к иному взгляду на тип «лишнего человека», в частности, на Печорина. Самолюбивый герой, «страдающий эгоист» воспринимался им как старомодный, в пародийном ключе. Его размышления по этому поводу ясно отразились в заметке «О героях и праведниках», правда, появившейся в печати только в 1881 году. Но означает ли это, что, создавая, например, свой роман-хронику «Соборяне» (1871), повесть «Очарованный странник» (1873), рассказ «Запечатленный ангел» (1873) и другие произведения подобного рода с центральной ролью в них образа праведника, он не задумывался над дилеммой: герой или праведник? «Для писателя именно в 1870-е годы наступает час переоценки действительности, он ищет ее адекватного художественного воплощения, стремится подвести черту под прошлым ...» [Горелов, 1988, с. 225]. Именно в этот период Лесков снова увлекается чтением Евангелия. После прежних «блужданий» он словно возвращается к самому себе, к «свободным чувствам и влечениям» [Лесков, 1958, с. 509].

Несомненно, мысль о различиях между «героем» и «праведником» уже созрела в нем, позже получив лишь отечканенную форму. Персона-

жи, не знающие «муки раздвоения мысли и слова», противопоставляются образу привычного рефлексирующего героя, судьба которого зависит от случая. Герой чаще всего выступает от имени «идеи», но требует от себя и других рабского служения ей. Он способен даже на подвиг, но это не снимает проблему его «вины», ибо совершить один раз героический поступок легче, чем жить жизнью святого. А это значит — жить, «не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив близкого и не осудив пристрастного врага»; в каждый момент своей жизни оставаться «подвижником» [Лесков, 1881]. К моменту создания «Очарованного странника» у писателя уже была мысль о контрастном изображении «героя», доведшего мотивы печоринства до пародийного воплощения, и праведника, сосредоточившего в себе многовековые национально-культурные и духовные традиции. В комментариях к повести отмечено, что любовь князя к Груше «проходит те же стадии, что и пылкое, но недолгое увлечение Печорина Бэлой» [Лесков, 1957, с. 552], что дает возможность более внимательно анализировать связь между текстами писателей и одновременно показать, что она не исчерпывается линией «князь — Печорин».

3. «Архетип» повести «Бэла» в «Очарованном» страннике»

Лесков, имея перед глазами опыт Лермонтова и в некотором смысле не соглашаясь с его концепцией сомневающегося во всем героя, проявил пристальный интерес к личности князя, пародийного двойника Печорина. С иронией изобразил «печоринскую память», сохранившуюся в его внешнем и внутреннем облике. Черты Печорина получили в нем тем самым новый смысл и значение. Негативное отношение автора не столько к Печорину, сколько именно к печоринской маске князя было возмещено созданием образа праведника, символизирующего богатство и глубину национального характера, одухотворенного любовью и жертвенностью, пафосом служения Родине. Определяя своего героя именно как праведника, Лесков противопоставлял его героям-индивидуалистам, «героическим натурам» литературы своего времени. Параллели с повестью «Бэла» необходимы Лескову для фундаментализации темы именно праведничества, за которой стояла задача сокрушения авантюрного героя. Между произведениями можно провести аналогию по следующей схеме: Груша — князь — Иван Северьяныч и Бэла — Печорин — Максим Максимыч. Знакомая по роману Лермонтова сюжетная схема у Лескова подчиняется новой задаче и художественному обоснованию новой идеи.

Князь в «Очарованном страннике» подобрал наиболее отталкивающие черты Печорина. В пародийном преломлении демонический герой лишился прежнего обаяния. Князь отражает Печорина как в кривом зеркале,

предстает глубоко деградировавшим. Перед читателем возникает образ человека, главным орудием которого в обращении с женщинами является иронически осмысленный в повести «артистический склад его характера» [Столярова, 1978, 124]. Его связь с Грушей, искушение ее любовью, отдающей внешним блеском, мотивируются взятой на себя ролью романтического влюбленного. Индивидуализм, пессимизм Печорина в образе князя трансформируются в цинизм и бездушие. Лесков строит сюжет «Очарованного странника» так, чтобы читатель ощущал контрастность образов в разыгрывающейся интриге: князь — Иван Флягин; князь — Груша. Контрастность эта несет прозрачный намек, она маркирована и вызывает сравнение с сюжетной коллизией в «Герое нашего времени»: Печорин — Максим Максимыч; Печорин — Бэла. В повести Лескова, как и в «Бэле», «европеизм» (в случае с князем — в искаженном виде) оказывается перед судом национально-самобытного сознания.

Черты характера праведника, которого создал Лесков, в значительной степени были предвосхищены образом Максима Максимыча. Правда, обостренное чувство личности, «демонические» страсти, овладевшие Лермонтовым, по-видимому, помешали ему широко разработать в зачаточном виде претворенные в Максиме Максимыче мощь и духовную красоту национального характера. Зато Лесков щедро одарил своего героя всеми возможными идеальными чертами человека из народной среды. Написал историю праведника как историю многообразных и возрастающих в силе по ходу сюжета «очарований». Перед читателем словно открывается «история души» — на этот раз не «героя», а наделенного эпической мощью человека из народа.

В повести «Бэла» рассказчик делает замечание по поводу «способности русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить» [Лермонтов, 1990, с. 474], имея в виду Максима Максимыча. Этот мотив в рассматриваемых произведениях находит отражение в сходном изображении особого строя души и ума, сочетающего любознательность к «чужому» с преданностью к «своему». Максим Максимыч чутко улавливает внутренние пружины поведения горцев, но своего — Печорина — понять не может. Иван Северьяныч, в свою очередь, по чужестранному обычаю ради приобретения лошади решается на жестокий поединок и невольно забивает своего противника до смерти (правила степняков предусматривали и такой исход, поэтому наказанию «виновник» не подвергался), но на родной стороне оказывается «преступником», заслужившим наказание.

Максим Максимыч у Лермонтова и Иван Северьяныч у Лескова находятся на периферии общественных столкновений века. Если внутренний мир Печорина обусловлен объективными противоречиями его эпохи («герой вре-

мени)), а псевдоморальные установки князя являются следствием распада его социальной личности, то внутренний мир Максима Максимыча и Ивана Северьяныча заставляет читателя вспомнить об устойчивом вековом укладе народа. Линия в «Очарованном страннике», воспроизводящая «очарование» героя красотой «природы совершенства» — Грушей, сюжетно и стилистически является проекцией на соответствующий эпизод в повести «Бэла». Прекрасная «дева гор» (Пушкин), прельщенная блеском цивилизации, европеизма, отдает свои симпатии Печорину и — становится его жертвой. Грушу также притягивают «утонченные» манеры, страсть князя, но в конечном итоге она, как и Бэла, падёт его жертвой: насытившись, князь бросит ее.

Необыкновенная женская красота наполняет и в «Бэле», и в «Очарованном страннике» души героев сродными переживаниями. Средства изобразительности у Лескова свидетельствуют о максимальном внимании писателя к тексту Лермонтова. Сравним, например, слова Ивана Северьяныча: «Даже нельзя ее [Грушу] описать как женщину, а точно будто какая яркая змея на хвосте движется и всем станом гнется, а из черных глаз так и жжет огонь» [Лесков, 1957, с. 469]. А вот как рассказывает Максим Максимыч: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывают к вам в душу» [Лермонтов, 1990, с. 463]. Героев Лескова и Лермонтова сближает сострадание к чужой боли и желание помочь в беде. Когда чувства Печорина к Бэле остывают, Максим Максимыч пытается облегчить ее участь и сам признается, что «бегал за нею, точно какая-нибудь нянька». Ради нее он идет на «объяснение» с Печориным; ему «досадно», что Печорин переменился к этой бедной девочке». Он мучительно переживает смерть дикарки, к которой относился с отцовской нежностью. В то же время Максим Максимыч испытывает грусть, ведь чувства его остались незамеченными: «Меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне» [Там же, с. 481, 482]. Эти мотивы почти полностью отзываются эхом в «Очарованном страннике»; Груша, как и Бэла, не замечает бескорыстной любви Ивана Северьяныча к ней, она так и не смогла освободиться от колдовских чар выдуманного ею образа князя, и только в смерти, подводящей черту под ее страданиями, в любви-страсти, она находит для себя спасение.

Лесков крупным планом изображает испытания своего героя любовью, женской красотой. При встрече с Грушей идеал открывается Ивану Флягину не как источник наслаждения, но прежде всего как объект служения, к нему обращены из глубины души рвущиеся добрые порывы. Сюжет об «очаровании» Ивана Северьяныча — это яркая картина ступеней духовного его возвышения. Иное в повести «Бэла». Лермонтов, хотя и сочувствует носителю самобытного национального сознания, все же субъективно на стороне

Печорина. А Лесков словно кладет на образ романтические краски, наделяет свой персонаж «идеями». Его герой имеет «свои освященные народными традициями нравственные принципы» [Прокофьев, 1988, с. 120]. У Ивана Северьяныча ответственное отношение к жизни, тогда как в «Бэле» есть эпизоды, в которых Максим Максимыч показан пассивным; ему словно не хватает решительности для противостояния злу. Ивану Флягину доступен «демонический» смысл поступка князя. Он проявляет здравомыслие, оценивая отношение князя к Груше: любовь-страсть князя поверхностна: «Эх, нехорошо это, что ты так утверждаешь, что на одно на ее лицо будешь смотреть! Наскучит» [Лесков, 1957, с. 478]. Увлеченность, «романтическая страсть» пародийного героя к Груше, как и авантюра Печорина с Бэлой на фоне естественной человечности Максима Максимыча, резко оттеняется переживаниями Ивана Северьяныча: «Как вспомню, что она здесь, сейчас чувствую, что у меня даже в боках жарко становится» [Лесков, 1957, с. 478]. Действия и чувства Ивана Флягина дают возможность отличить свое народное от, как казалось Лескову, крепко привитого чужеземного. В отличие от Лермонтова, сочувствующего народному типу, но по значимым для него причинам разделяющего взгляды на общество демонического героя, Лесков стоит на «почвеннических» позициях. Он скептически относится к авантюрно-героическому началу, к тому же еще и «испорченному» внешним европеизмом. В этом заключается пародийный смысл образа князя.

4. Заключение

Итак, анализ «Очарованного странника» в предложенном аспекте подтверждает факт идейно-тематической, сюжетно-стилистической связи этого произведения с «Героем нашего времени». Образ лесковского праведника является художественным развитием черт Максима Максимыча, открывающих дальнейший путь к постижению русского национального характера. Писатель сумел в герое Лермонтова угадать задатки творческих возможностей русского человека, его бескорыстное служение Отечеству, высокое сопереживание прекрасному, чуткость к чужому страданию и глубоко развил их в описании Ивана Северьяныча Флягина. Противопоставление двух типов: национального и «европейского», природной красоты души первого и противоречий личности другого, доведенных до пародийности в образе князя, — во многом определило восприятие Лесковым романа Лермонтова. Идеино-творческий интерес Лескова к тексту предшественника и образам в нем одновременно является фактом, который представляется важным для дальнейшего углубления в вопрос о месте и рецепции «Героя нашего времени», да и всего творчества Лермонтова в истории русской литературы.

Источники

1. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 2-х т. / сост. и комм. И. С. Чистовой. — Москва : Правда, 1990. — Т. 2. — С. 455—590.
2. *Лесков Н. С.* Автобиографические заметки. Статьи, воспоминания / Н. С. Лесков. — В книге : Лесков Н. С. Собрание сочинение : в 11 т. / подготовка текста и примеч. И. Я. Айзенштока / Н. С. Лесков. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 11. — 853 с.
3. *Лесков Н. С.* О героях и праведниках (Заметка) / Н. С. Лесков // Церковно-общественный вестник. — 1881. — № 129. — С. 3—7.
4. *Лесков Н. С.* Соборяне. Хроника. Запечатленный ангел. Очарованный странник / Н. С. Лесков. — В книге : Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. / подготовка текста и примеч. И. З. Сермана / Н. С. Лесков. — Москва : Гослитиздат, 1957. — Т. 4. — 518 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горелов А. А.* Н. С. Лесков и народная культура / А. А. Горелов. — Ленинград : Наука, 1988. — 294 с. — ISBN 5-02-027896-3.
2. *Григорьев Ап.* Литературная критика / Григорьев Ап / под ред. Б. Ф. Егорова. — Москва : Современник, 1967. — 632 с.
3. *Ключевский В. О.* Литературные портреты / составление, вступительная статья А. Ф. Смирнова / В. О. Ключевский. — Москва : Современник, 1991. — 461 с. — ISBN 5-270-00948-X.
4. *Лермонтовская энциклопедия* / гл. ред. В. А. Мануйлов. — Москва : Советская энциклопедия, 1980. — С. 254—255.
5. *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям : в 2 т. / А. Лесков ; вступ. статья, подготовка текста, комментарии А. А. Горелова. — Москва : Художественная литература, 1984. — Т. 1. — 476 с.
6. *Лихачев Д. С.* Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова / Д. С. Лихачев // Лесков и русская литература. — Москва : Наука, 1988. — С. 12—21.
7. *Мехтиев В. Г.* Лермонтовские цитаты и аллюзии в романе Н. С. Лескова «Обойденные» / В. Г. Мехтиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021а. — Том 14, выпуск 2. — С. 278—282. — DOI: 10.30853/phil210034.
8. *Мехтиев В. Г.* Семантика лермонтовского поэтического мифа о Демоне в «Островитянах» Н. С. Лескова / В. Г. Мехтиев // Litera. — 2021б. — № 3. — С. 1—9. — DOI: 10.25136/2409-8698.2021.3.35024.
9. *Прокофьев Н. И.* Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова / Н. И. Прокофьев // Лесков и русская литература. — Москва : Наука, 1988. — С. 118—136.
10. *Селезнев Ю.* Лесков и Достоевский / Ю. Селезнев // В мире Лескова. Сборник статей / сост. В. А. Богданов. — Москва : Советский писатель, 1983. — С. 123—148.
11. *Столярова И. В.* В поисках идеала / И. В. Столярова. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. — 230 с.
12. *Троицкий В. Ю.* Художественное наследие Н. С. Лескова в сознании поколений (от современников до Горького) / В. Ю. Троицкий // Время и судьбы русских писателей. — Москва : Наука, 1979. — С. 239—302.
13. *Троицкий В. Ю.* Творчество Лескова и русский романтизм / В. Ю. Троицкий // Лесков и русская литература. — Москва : Наука, 1988. — С. 149—165.

14. Хализев В. Лесковская концепция праведничества / В. Хализев, О. Майорова // В мире Лескова : сборник статей / сост. В. А. Богданов. — Москва : Советский писатель, 1983. — С. 196—233.

MATERIAL RESOURCES

- Lermontov, M. Yu. (1990). *Hero of our time*, 2 (2). Moscow: Pravda. 455—590. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1881). About heroes and the righteous (Note). *Church-public bulletin*, 129: 3—7. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1957). Soboryane. Chronicle. A baked angel. Enchanted wanderer. In: Leskov, N. S. *Collected works: in 11*, 4. Moscow: Goslitizdat. 518 p. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1958). Autobiographical notes. Articles, memoirs. In: Leskov, N. S. *Collected works: in 11*, 11. Moscow: Goslitizdat. 853 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Gorelov, A. A. (1988). *Leskov and folk culture*. Leningrad: Nauka. 294 p. ISBN 5-02-027896-3. (In Russ.).
- Grigoriev, Ap., Egorov, B. F. (ed.). (1967). *Literary criticism*. Moscow: Sovremennik. 632 p. (In Russ.).
- Khalizev, V., Mayorova, O. (1983). Leskov's concept of righteousness. In: *In the world of Leskov. Collection of articles*. Moscow: Soviet Writer. 196—233. (In Russ.).
- Klyuchevsky, V. O. (1991). *Literary portraits*. Moscow: Sovremennik. 461 p. ISBN 5-270-00948-X. (In Russ.).
- Lermontov encyclopedia*. (1980). Moscow: Soviet Encyclopedia. 254—255. (In Russ.).
- Leskov, A. (1984). *The life of Nikolai Leskov according to his personal, family and non-family records and memories: in 2 vols., 1*. Moscow: Fiction. 476 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1988). *Features of the Russian poetics of N. S. Leskov's works*. Moscow: The science. 12—21. (In Russ.).
- Mekhtiev, V. G. (2021). Lermontov's citations and allusions in N. S. Leskov's novel "Bypassed". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*: 14 (2). 278—282. DOI: 10.30853/phil210034. (In Russ.).
- Mekhtiev, V. G. (2021). Semantics of the Lermontov poetic myth about the Demon in the "Islanders" by N. S. Leskov. *Litera*, 3: 1—9. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.3.35024. (In Russ.).
- Prokofiev, N. I. (1988). Traditions of Old Russian literature in the work of Leskov. In: *Leskov and Russian literature*. Moscow: Nauka. 118—136. (In Russ.).
- Seleznev, Yu. (1983). Leskov and Dostoevsky. In: *In the world of Leskov. Collection of articles*. Moscow: Soviet Writer. 123—148. (In Russ.).
- Stolyarova, I. V. (1978). *In search of the ideal*. Leningrad: Publishing house of the Leningrad University. 230 p. (In Russ.).
- Troitsky, V. Yu. (1979). The artistic heritage of N. S. Leskov in the consciousness of generations (from contemporaries to Gorky). In: *Time and Fate of Russian Writers*. Moscow: Nauka. 239—302. (In Russ.).
- Troitsky, V. Yu. (1988). *Creativity of Leskov and Russian Romanticism*. Moscow: Nauka. 149—165. (In Russ.).